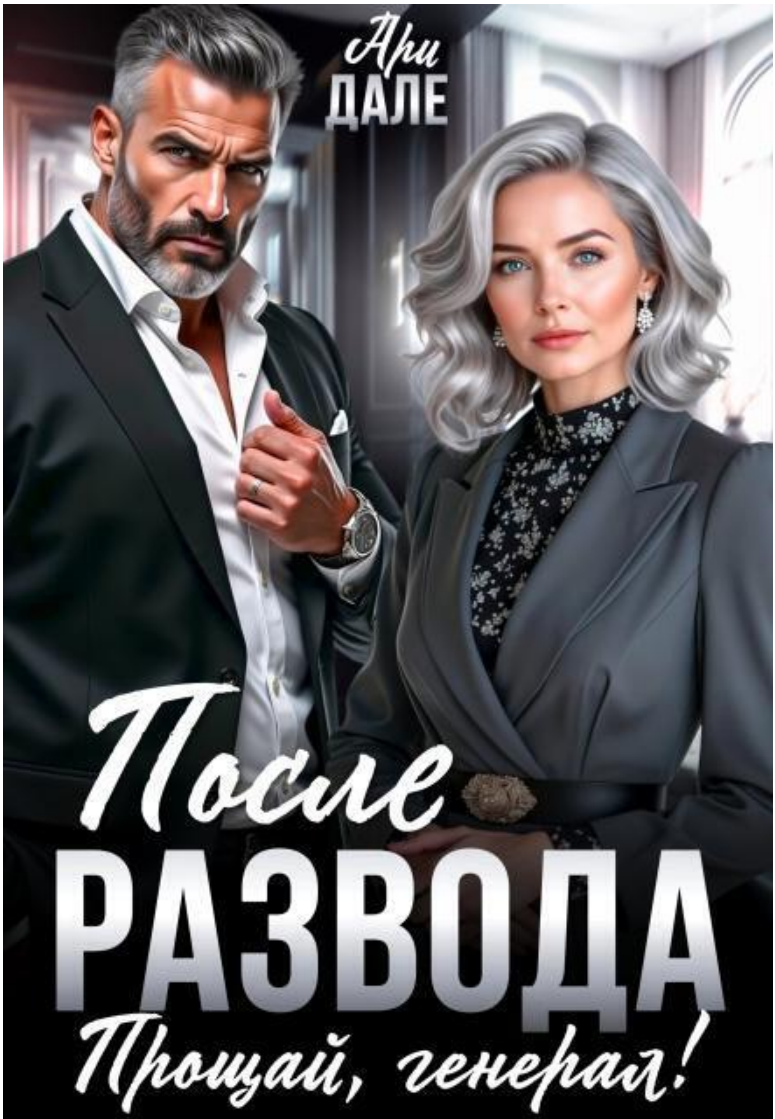

Ари
ДАЛЕ
После
РАЗВОДА
Прощай, генерал!

Ари Дале

После развода. Прощай, генерал!

https://litres.ru/74791133

Аннотация

— Генералы не разводятся, — цинично заявляет муж после того, как на его дне рождения произошел "скандал века". — Они просто заводят любовниц, когда жена перестает им быть интересна.

— То есть, ты предпочел иметь связь на стороне вместо того, чтобы сохранить свою честь?

— Моя честь вообще-то на месте! Я же ни в чем тебя не обделял, ни в чем не отказывал. Ни ты, ни мои дети ни в чем никогда не нуждались. А вот ты свою женскую честь не сохранила...

— Ты с ума сошел? Я тебе не изменяла.

— Еще бы ты мне изменяла, — хмыкает Игорь. — Нет, ты просто не проявила себя как полноценная женщина. Если хочешь кого-то винить в произошедшем, то вини себя. Это ты не смогла обуздать мой темперамент, из-за чего мне пришлось искать развлечение на стороне. Может, ты и вправду не достойна носить почетное звание жены генерала?

С последним утверждением мужа я согласилась, и наши пути разошлись. Прошло целых два года, за которые я смогла наладить все, в том числе, и свою личную жизнь, вот только и ее бывший попытался испортить.

— Твой бывший приходил, — заходит в мой кабинет Алексей, мой гражданский муж.

— Что? Зачем? — желудок сжимается от страха.

— Не притворяйся, что не знаешь, — хмыкает. — Ты поместила его новую пассию в расписание моих операций на ближайшее окно. Больше некому...

Дергаюсь и открываю рот, но Алексей не дает мне ни слова сказать.

— Скажи только одно: ты из-за него не соглашаешься стать моей женой? Твой Игорь был прав, когда говорил, что бывших жен генерала не существует? В общем так, — он ставит мне на стол коробочку кольцом. — Знаешь, я спасу любовницу твоего генерала. А это... — указывает подбородком на сверкающий на солнце бриллиант, — последнее решение за тобой...

!#Внимание: Ругать героев можно. Автора нельзя)))

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 3.1	16
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	45
Глава 10	53
Глава 11	59
Глава 12	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1

— Теперь понятно, почему мне изменил муж. Как я могла выбрать нормального мужика себе в пару, когда отец оказался последним подлецом?! — во все горло кричит дочка и бросает в лицо Игорю какой-то журнал.

Вокруг воцаряется тишина.

Мир будто останавливается.

Наша семья, дети, внуки, друзья, сослуживцы мужа и просто знакомые, которые пришли на день рождения моего Игоря и до этого сидели за столом, оживленно болтая, синхронно, словно болванчики, поворачивают головы в нашу сторону.

Я же в свою очередь смотрю не на мужа, который будто в статую превратился, хотя он и так греческого бога напоминает в своем сером костюме, с высеченными, словно из камня, чертами лица, седыми, идеально уложенными волосами и глазами, мечущими молнии в собственную дочь. Нет, все мое внимание направлено на Аню, нашу с Игорем девочку, которая не так давно развелась с мужем и осталась одна с двумя детьми.

Развод дочери оказался не из приятных, если нечто подобное вообще может быть чем-то приятным. Но Артур, бывший муж Ани, перешел все границы. Мало того, что он бросил мою дочь с двумя детьми в самом уязвимом для нее по-

ложении, когда она сидела в декрете с их вторым ребенком и вообще не работала, так еще и приперся со своей любовницей в суд, где должен был состояться бракоразводный процесс. Вот тогда-то все и узнали, что ходил налево Артурчик уже давно, ведь его любовница была беременна на тот момент, когда он признался в измене — в суде у них уже спиногрыз в коляске вошкался.

Бедная моя девочка, на ней лица не было, когда судья объявлял о том, что их брак расторгнут, и хоть с момента развода Ани прошло уже чуть больше года и у нее жизнь вроде наладилась — мы с Игорем помогали как могли, — она все равно остается безутешной, хотя мнит себя сильной. И вообще болезненно относится к проявлениям любого рода проблем в отношениях, к неверности в особенности.

Вот только я даже представить себе не могу, что сейчас так сильно задело Аню, но моя светловолосая милая девочка в розовом платьице — да ей уже давно за тридцать и не девочка она вовсе, правда, мне на это все равно, — напоминает фурию.

Упирает руки в бока, ноги ее оказываются расставлены на ширине плеч. Черты лица Ани заострились. Смотрит она на отца исподлобья. И было бы вообще идеально, если бы подул ветерок, чтобы волосы Ани начали развиваться. Тогда бы ее образ воительницы, пришедшей отомстить за первородный грех, был бы полон.

А так дочка просто продолжает сверлить отца злобным

взглядом, и кажется, еще чуть-чуть и сорвется с цепи, а в следующий миг набросится на Игоря. Если, конечно, я не вмешаюсь.

Нужно стабилизировать атмосферу, убрать источник внесенной сумятицы из поля зрения сторонних наблюдателей, которые так и жаждут продолжения спектакля, чтобы посудачить за спиной, а потом уже разбираться, что вызвало у дочери подобную реакцию.

— Анют, — произношу как можно мягче. Медленно поднимаюсь из-за стола, заправляя свои волосы, которые я намеренно крашу в седой цвет, чтобы подчеркнуть, что не боюсь возраста, и поправляю белый пиджак из комплекта с брюками, который надела на сегодняшний праздник. Именно в этот момент замечаю, что привлекаю внимание дочери — она бросает на меня быстрый… сочувствующий?... взгляд, прежде чем снова сосредоточиться на отце, — и произношу: — Давай выйдем, на кухне поговорим?

— Ну уж нет! — выпаливает Аня, делая шаг к Игорю. — Пусть все знают, какой он, — тыкает пальцем в отца, — гад! И ты, мама, в первую очередь!

Как бы я ни пыталась избежать публичного скандала, похоже, этого сделать не получится. Аню, когда ее несет, даже поезд не остановит. Вон у нее даже ноздри раздуваются. Она открывает рот, явно, собираясь сообщить всем “новость”, когда Игорь громыхает:

— Анна…

— Не смей, — визжит дочь и бросается на отца. Но тот успевает встать и поймать ее на подлете и даже перехватывает руки Ани до того, как она начнет его лупить, а дочка уже замахнулась. — Не смей больше произносить мое имя! И прикасаться больше ко мне не смей! Вообще не трогай меня! Понял? Не трогай! Не трогай! Отпусти! — истерит Аня во все горло.

Тут уже я не выдерживаю, огибаю стол и становлюсь рядом с мужем.

— Аня, успокойся! Сейчас истерики никому не нужны. Тем более твоему отцу, у которого, на минуточку, сегодня день рождения. Это такой подарок ты решила ему преподнести? Ссору? Если да и твои претензии не терпят до завтра давай выйдем и пообщаемся наедине, в узком семейном кругу, так сказать.

— Ну уж нет! Пусть все слышат! Пусть все знают! Страна должна знать своего героя! Облегчать для папочки последствия его поступка не собираюсь! — шипит дочка. А когда отец ее все-таки отпускает, замечая, что Аня больше не пытается его избить, делает шаг назад, трет запястья и сосредотачивается на мне. — А ты, мамочка, пожалеешь о том, что в очередной раз пытаешься сгладить углы. Подними журнальчик, почитай статейку. И тебе сразу перехочется защищать папашу, особенно, когда узнаешь, что он тебя на молодуху променял.

Глава 2

Если я раньше думала, что в комнате повисла тишина, то очень ошиблась. Сейчас даже если кто-то вдох сделает, он будет звучать как гром среди ясного неба.

Дочка не просто всех огорошила, она сбросила бомбу, которая поразила всех, а меня в первую очередь.

Медленно перевожу взгляд с Ани на мужа, который стоит столбом и явно делает все, чтобы держать себя в руках, иначе бы желваки с такой силой не играли бы на его щеках, а кулаки бы его не были бы сжаты до выступивших вен на внешней стороне ладони, — после чего опускаю голову и смотрю на валяющееся на полу желтое издание.

Медленно, на автомате, совсем не желая этого делать, опускаюсь на корточки и подхватываю журнал. Выпрямляюсь и каким-то чудом сразу же открываю нужную страницу, на которой красуется огромная фотография, где изображен мой муж со жгучей брюнеткой в обнимку. Они смотрят друг на друга, а ее пальцы зажаты в его широкой ладони.

Подпись под снимком и, соответственно, название статьи гласит: “Генеральские страсти. Неужели, в нашей армии не осталось достойных мужчин?

Сердце тут же пронзает острый осколок души, вызывая невыносимую боль. Дыхание перехватывает. Взор размывается. Глянцевые страницы обжигают пальцы. Хочу выбро-

сить журнал, избавиться от него, сжечь в конце концов. Не хочу видеть ни снимок, ни название статьи. Но даже если у меня получится отлепить пальцы от страниц, хотя кажется те срослись, все равно образ моего мужа улыбающегося одним уголком губ другой женщине и глядящий на нее так, словно хочет съесть, кажется, навсегда отпечатался моей памяти.

Поэтому рациональная часть меня, которая почти потонула в боли, решает, что хуже уже не будет и неважно добавлю ли я себе агонии или нет, но по крайней мере буду знать все, поэтому читаю текст статьи:

“Генерал-майор Российской армии, Игорь Сергеевич Багров, вчера был замечен в компании журналистки, Светланы Соколовой, которая недавно выпустила книгу “Армия наша родная”, основанную на реальных историях из жизни военнослужащих нашей доблестной родины. И судя по всему, отношения между двумя этими людьми довольно давно перешли из профессиональной сферы в личную. Но есть одна проблема — генерал-майор Багров, уже больше тридцати лет “счастливо” женат, а также с женой у него есть двое взрослых детей и даже внуки. Информации о разводе пары, которая прошла рука об руку столько лет, не поступало. Получается, наш доблестный генерал, один из главных героев из книги Светланы, имеет внебрачную связь и теперь носит гордое звание “изменщик”? Неужели, в нашей армии не осталось достойных мужчин? Или генерал Багров — исключение из правил? Давать комментарии нашему журналисту Игорь

Сергеевич отказался”.

Статья заканчивается, а я все еще смотрю на буквы. Они начинают прыгать, расплываться. Но у меня все равно получается прочитать слова. Они будто застряли у меня в голове и одно за одним выжигают себе по местечку, чтобы остаться там навсегда с единственной задачей — причинять мне невообразимую боль вечно.

Не знаю, сколько я так стою и просто смотрю на журнал.

Но в какой-то момент, он выскальзывает из моих пальцев, а над ухом раздается рев:

— Вера, не читай эту дрянь!

Игорь бросает журнал на стол, и он попадает в салат. Не только пачкается, но и портит приготовленное мною блюдо.

Но мне плевать! Плевать на все! Сейчас я хочу знать одно.

Медленно поднимаю голову и смотрю мужу в глаза.

— Ты знал… — шепчу, — ты знал об этой статье, — не спрашиваю, утверждаю. — Ты отказался давать комментарии… — тяжело сглатываю в попытке смягчить пересохшее горло, — отказался давать комментарии журналисту. Почему? Почему ты не дал комментарии? Почему ты не дал комментарии, если это неправда?

Не верю. Не хочу верить, что Игорь мне изменяет. Не хочу верить, что тридцать лет брака улетели в трубу в одно мгновение. Не хочу верить, что муж оказался подонком, как его назвала наша дочь в начале вечера.

Наверное, в моих глазах вместе с вопросом светится на-

дежда, поэтому Игорь еще сильнее поджимает губы — так сильно, что те превращаются в две тонкие белые линии, — смотрит на меня с прищуром. Тянет время, явно, размышляя как мне лучше преподнести правду и стоит ли это вообще делать, но в итоге прямо перед свидетелями мой собственный муж совершенно равнодушно заявляет:

— Потому что в статье написана правда. У меня отношения со Светланой, уже как год почти.

— Она же возраста нашей дочки, — выдыхаю первое, что приходит на ум. Хотя нужно было спросить другое… сказать другое.

Муж хмыкает:

— И что? Как там говорят? Любви все возрасты покорны?

Глава 3

Кто-то из гостей шумно вдыхает, а кто-то наоборот выдыхает. У людей собравшихся на празднике моего мужа явно начинают нервишки пошаливать, ведь больше молчать и сидеть неподвижно они не могут. Кто-то начинает елозить на стуле, из-за чего в гостиной раздается скрип, кто-то уже что-то кому-то шепчет. Ну конечно, такую им кость кинули, обсасывать и обсасывать.

Вот только мне сейчас не до гостей. Мне сейчас вообще не до чего.

Мой мир… мой размеренный мир, который я строила столько лет разрушился прямо на глазах. Смотрю на человека, с кем много лет назад шла рука об руку… так же писали в статье?… человека, которого поддерживала как могла… человека, которого долго любила, и чувствую, как земля уходит из под ног. В прямом смысле. Голова начинает кружиться от резко накативших эмоций. Приходится сделать шаг назад, чтобы устоять на внезапно ослабевших ногах. Игорь тянется ко мне, похоже, хочет придержать, вот только его желание летит к чертям, когда Аня все-таки набрасывается на него с кулаками.

— Гад, подонок, мерзавец! — вылетает из дочери, пока она лупит отца в грудь. А Игорь явно так сильно сконцентрировался на мне, что пропустил момент нападения, и те-

перь поймать руки Ани, которая мечется перед ним и бьет его невпопад, оказывается не такой уж простой задачей. — Да что ты за мужчина такой?! Нет, ты не мужчина! И генерал из тебя никакой! Я думала… думала, что это я паршивая овца в семье, а оказалось это ты! Мой собственный отец! Признайся, это ты научил Артура ходить налево? Это ты ему сказал, что можно бросить семью из-за безграничной любви? Ты… ты… ты…

Я даже предпринять ничего не успеваю, ведь в разворачивающиеся сцене появляется еще одно действующее лицо — мой сын.

Слава тоже был на празднике — вместе со своей женой и сыном сидел за столом, когда примчалась наша дочь и устроила из дня рождения цирк, который в итоге закончился трагедией. Видимо, все это время сын, как и все собравшиеся находился в шоке, а как только отошел, сразу решил вмешаться.

Не проходит много времени, прежде чем Слава, который так сильно напоминает Игоря в молодости — с теми же выточенными, словно из камня, чертами лица, широкими плечами и пронзительным взглядом, только волосы у него еще не посидели, а пока такие же черные как у его отца в молодости, — хватает младшую на два года сестру со спины и поднимает ее в воздух.

Аня начинает болтать руками и ногами в воздухе, старается схватить брата сзади, явно хочет вырваться из его рук,

при этом кричит:

— Пусти! Я сказала пусти меня! Поставь меня на ноги.

— Поставлю, если прекратишь истерить! — отчеканивает Слава.

— Это не твое дело истерю я или нет, — не прекращает борьбу дочка.

— Вообще-то мое, я тоже член этой семьи, если ты не забыла, — сын все-таки опускает сестру на пол — она же не пушинка, — но не отпускает ее. Наоборот, хватает Аню за плечи и разворачивает к себе. — А ты своей зацикленностью на изменах уже всех достала! Ну решил отец на старости лет попробовать свежее мясо, что в этом такого? Он же все равно нагуляется и потом к матери вернется!

— Ты серьезно сейчас? Собираешься нашего папашу оправдать? — выкрикивает Аня. А в следующий момент замирает, щурится и не своим голосом, настолько глухо он звучит, выдает: — Или ты тоже? О боже… — ее глаза широко распахиваются. А уже через мгновение взор дочери обращается за стол, туда, где сидит жена Славы, Карина. — Ты знала? — выдыхает Аня.

Глава 3.1

Познакомимся с героями?
Багров Игорь Сергеевич, 52 год — генерал

Багрова Вера Николаевна, 51 год — медицинская сестра, координатор в больнице

Девочки, ну что моя новинка стартовала, как она вам? Остальных героев хотите посмотреть? Пишите в комментариях и не забывайте ставить *“мне понравилось”*.

Как это сделать инструкция ниже ⬇ #

С любовью, Ари Дале

Глава 4

Думаю, все замечают, как сильно бледнеет Карина. Она и без того светленькая, с блондинистыми, подстриженными под каре, волосами и белой, фарфоровой кожей, а сейчас вообще призрака начинает напоминать. Ее глаза широко распахиваются, а губы приоткрываются. Мне даже кажется, что Карина не дышит, при этом выглядит так, словно ей под землю провалиться хочется или же в обморок грохнется — одно из двух.

Сын Славы, Дима — очень похожий на своего отца, пошел в породу моего мужа, так сказать, — тоже замирает. И кажется, единственное, на что способен — это поворачивать голову и смотреть то на мать, то на отца. Мой внук уже не маленький мальчик — ему двенадцать, и он все прекрасно понимает.

Звенящая тишина воцаряется в многострадальной гостиной. Вот только на этот раз она не длится долго. Слава рявкает на сестру:

— Не втягивай в свою грязь мою жену!

— В мою грязь? — горько усмехается дочка. — В мою? Если ты изменяешь своей жене, если ты пошел по стопам нашего дорогого папочки, то как бы твоя Карина и так уже по уши в грязи! И окунул в ее ты, мой дорогой братец. Я просто хочу понять: она тряпка или…

Договорить Аня не успевает. Да и у Славы не получается ответить ничего сестре, ведь виновник этих событий и одновременно этого торжества, наконец-то вмешивается в их перепалку. Игорь громыхает так, что кажется, вот-вот разобьет своим голосом все тарелки на столе:

— Молчать! — Этот раскат пробирает до костей даже меня, хотя направлен явно не в мою сторону. — Слава, отпусти сестру.

Муж подходит к детям, буравит взглядом сына. Тот тут же исполняет приказ. Может быть, потому что отец для него — огромный авторитет. Либо дело в том, что мой сын тоже военный и не может отказать генералу. Вот только дочка никаким образом не связана с органами, со службой или армией, поэтому слушать своего отца не собирается, что становится ее ошибкой, и, уверена, она почти сразу это понимает.

— А ты мне не приказывай! — огрызается Аня.

А в следующую же секунду, Игорь за один широкий шаг сокращает расстояние между ними и рычит прямо в лицо:

— Ты идешь со мной.

Он хватает дочку за плечо и тянет в сторону выхода.

Стоит нашим взглядам пересечься, как муж гаркает и мне:

— Ты тоже.

Уже через мгновение он покидает гостиную, волоча за собой упирающуюся Аню.

Я же нахожусь в настолько дичайшем шоке, что не могу толком понять, как лучше поступить. Но оставить дочку на

растерзание волку не могу. Быстро обвожу взглядом присутствующих и произношу:

— Прошу прощения, нам нужно решить семейные проблемы. — А после обращаюсь к сыну, даже несмотря на то что мне больно на него смотреть, не говоря уже о том, чтобы о чем-то его просить — но понимаю, что сейчас без его помощи не вытяну: — Проводи, пожалуйста, гостей. Праздник, к сожалению, окончен.

Сын коротко кивает, а я уже в следующее мгновение иду следом за Игорем в ту сторону, откуда доносятся крики Ани.

Нахожу их на кухне — в светлом помещении, отделанном теплым, медового оттенка деревом. Мы специально заказывали гарнитур из массива, когда делали ремонт. Здесь пахнет кофе и ванилью, на подоконнике стоит моя герань, а на столешнице — разделочная доска с недорезанной зеленью, которую я приготовила для салата и бросила, когда начался банкет, превратившийся в кошмар. Закатный свет струится сквозь тюль и падает на пол, расчерчивая его красными полосами. Кухня — самая уютная, живая, моя любимая комната в доме. Но сейчас интерьер меня волнует мало. Сейчас меня волнует только то, что говорит Игорь дочери.

— Наши отношения с твоей матерью тебя никаким образом не касаются, — отчеканивает он, прожигая Аню острым взглядом.

— Что значит “не касаются”?! — взрывается Аня.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не броситься к ней, но ви-

жу, что пока мое вмешательство только повредит, может, даже сильнее раззадорит дочку. Аня и так тяжело дышит, при этом сжимает-разжимает кулаки, вдобавок все еще выглядит как настоящая фурия. Волосы Ани растрепались, на глазах блестят слезы, щеки пылают алым.

Даже несмотря на то, что дочь выглядит так, словно вот-вот опять бросится на отца, Игорь стоит, просто прислонившись к деревянной столешнице гарнитура, и выглядит абсолютно уравновешенным. Только чуть заострившиеся скулы говорят о том, что он на грани и в любой момент поставит Аню на место. Но пока он позволяет ей выговориться. Что, в принципе, было бы неплохо в иной другой ситуации, но сейчас они говорят в том числе обо мне.

— Ты хоть понимаешь, какой пример своим детям подаешь? — пытается давить на отца Аня. — Ты хоть понимаешь, что будет, когда твои внуки узнают о твоих предпочтениях женщин и о твоих похождениях?! Ты хоть понимаешь, что ты разрушаешь нашу семью?! После стольких лет, папа! Что ты вообще творишь?! Неужели тебе под старость лет действительно молодого тела захотелось попробовать?! Неужели тебе мамы было недостаточно?! — Аня почти плачет, голос срывается.

Я же чувствую себя так, словно у меня сердце разрывается. Стою в дверях, вцепившись пальцами в дверной косяк, и не могу вымолвить ни слова. Просто слушаю. Дышу, как только могу. Боль раздирает грудь изнутри, смешиваясь с

унижением и ледяной пустотой.

Игорь медленно, с грацией хищника отталкивается от столешницы. Делает шаг к дочери, нависает над ней скалой, и я понимаю — сейчас начнется самое страшное.

— Хочешь правду? — выгибает бровь муж, его голос звучит низко и вязко, оседает липким, неприятным ощущением на коже. — Правду о нас с твоей матерью?

Аня запрокидывает голову, чтобы видеть его лицо, и в ее взгляде на секунду мелькает страх. Но она не отступает. Трясущимися губами выдыхает:

— Хочу.

Не сомневаюсь муж видел, что я пришла, в принципе, как и Аня. Но никто из них не обращает на меня внимания, словно я какой-то посторонний наблюдатель.

Игорь кривит губы в усмешке, полной презрения, и, глядя прямо в глаза нашей дочери, хотя, уверена, его послание адресовано мне, произносит:

— Правда в том, что твоя мать меня давно приелась. Я живу с ней в браке лишь для того, чтобы отдать честь тем годам, которые она провела со мной. Но это не значит, что я хочу остаток жизни чахнуть с одной и той же женщиной, которая похоже окончательно забыла, что за мужчиной, чтобы поддерживать его интерес, надо ухаживать.

Глава 5

У меня едва не отваливается челюсть. Широко распахнутыми глазами смотрю на мужа, который тоже переводит взгляд на меня, и пытаюсь осознать: действительно ли он имел в виду то, что сказал? Игорь вправду только что заявил, что я должна за ним… сказал "ухаживать"? Я?! Ухаживать за ним? И что, черт побери, это значит?

Не могу больше оставаться сторонним наблюдателем разговора отца и дочери. Особенно, когда этот самый разговор касается меня. Захожу на кухню и плотно закрываю за собой дверь, ведь слышу, как гости начинают покидать нашу квартиру, даже сейчас до меня доносятся приглушенные голоса, шорох одежды, звук открывающейся входной двери. Не хочу лишних свидетелей нашего разговора. Я и без того уже стала одним из главных действующих лиц скандала. Большей славы мне не надо. А вот разобраться, "что же я сделала не так", о-о-очень хочется!

— И что значит твое "ухаживать"? — выгибаю бровь, подходя ближе к Игорю. — То есть тот факт, что я тебе двоих детей родила… то есть тот факт, что я каждый день готовила тебе, убирала за тобой… то есть тот факт, что я столько лет терпела твои закидоны, терпела твои вечные командировки, терпела то, что ты дальше рассказать мне не мог, чем ты занимаешься на своей службе, терпела то, что ты держишь ме-

ня на расстоянии вытянутой руки, и даже носки твои стирала — это по-твоему не ухаживать?

— Нет, конечно, — как ни в чем не бывало хмыкает муж, поворачиваясь ко мне всем корпусом. — Это вообще-то твои обычные женские обязанности. Женщины для того и созданы, чтобы обслуживать своих мужчин. Это их прямая обязанность, такая же, как и рожать детей, чтобы продолжать мужской род, — какие-то странные искорки, значения которых я не понимаю, появляются в его глазах.

Игорь что, злится на меня? За что?

В груди разрастается огромнейший ком. Он душит меня, не дает сделать даже нормальный вдох. Что уж там говорить про слова, которые застряли в горле?

Остается лишь смотреть на чужого человека передо мной — моего Игоря, того, с кем я прожила тридцать лет, похоже, больше нет, — и чувствовать, как внутри меня что-то надламывается. Даже не сердце дает трещину. Разрушается что-то более глубокое, базовое, на чем держалась вся моя жизнь. Оно трещит по швам, рассыпается в труху, и я понятия не имею, как это остановить.

— Ну так что? Что по-твоему значит ухаживать? — кое-как, хрипя, спрашиваю у мужа, когда не получаю ответ на свой изначальный вопрос, при этом чувствую, как каждая моя клеточка превращается в самый настоящий фейерверк. Они словно взрываются изнутри, причиняя мне невообразимую боль. — Как именно я должна была за тобой "ухажи-

вать”? — выплевываю последнее слово.

Не сомневаюсь, испытываемые мною страдания отражаются на моем лице — я никогда не могла контролировать свои чувства. Но видимо, никто мою боль уменьшать не собирается. Потому что муж заявляет:

— Сама не догадываешься, как именно женщина должна ухаживать за мужем? Видимо, не догадываешься, раз столько лет воспринимала меня как должное и даже не пыталась поддержать мой интерес к тебе… как к женщине, а не только как к матери моих детей и приложению ко мне, — тяжело вздыхает, будто много лет подряд тащил на себе бремя в виде меня. — Тебе еще повезло, что я столько лет хранил тебе верность, а не пошел на сторону при первой попавшейся возможности, — его кадык дергается, а в глазах появляется гордость за себя и что-то еще… что-то похожее на сожаление. — А у меня этих возможностей было предостаточно, поверь. Множество женщин хотят рядом с собой видеть сильного, уверенного мужчину, который вдобавок еще может взять на себя ответственность за женщину. То есть, такого как я. И только благодаря своему мужскому достоинству я, считай, всю жизнь прожил с женщиной, которая воспринимала меня как должное и даже никаким образом не пыталась разнообразить нашу личную и интимную жизнь.

Я стою и чувствую себя ни живой, ни мертвой. Каждое слово мужа ощущается как пощечина… как удар хлыста по самому больному, ведь женой военного, а тем более генерала

быть непросто. Но я выдержала это испытание: рожала этому мужчину детей, вырастила их чуть ли не в одиночестве, ждала его из постоянных командировок, молилась, чтобы вернулся живой. Держала дом, пока он строил карьеру. А оказывается, я еще должна была его развлекать, когда он сам не сделал даже шага в этом направлении и ни разу не сказал, что его что-то не устраивает? Я что ли его мысли еще должна была читать?

Пока я теряюсь в собственных мыслях, Игорь переводит взгляд на дочку и произносит то, отчего у меня подгибаются колени:

— И Аню ты своей философии научила, поэтому она и осталась разведенкой с двумя прицепами. Расслабилась ты, дочка, в браке, да? А этого ни в коем случае делать нельзя. Если бы ты была настоящей женщиной, может, муж от тебя и не ушел бы. Но я тебя не виню, не переживай. Тут виновата только твоя мать, которой до настоящей женщины еще и расти и расти. Она тебя не научила всем премудростям поддержания искры в отношениях, — он выделяет голосом последние слова, — из-за чего твоя жизнь и разрушалась. А теперь ты вообще высказываешь мне всякую дичь в лицо, обвиняешь меня в том, что я чего-то не понимаю в отношениях, в том, что я пошел налево и захотел хоть на старости лет почувствовать себя настоящим мужчиной, которым восхищаются и смотрят на него полными обожания глазами. А вот вы, кажется, не понимаете, что мужчины, —

он обводит нас обеих тяжелым взглядом, — особенно в наше время, особенно обладающих властью, нарасхват. Девочки мои, перед такими мужчинами, как я, всегда находится шведский стол из женщин. Слишком уж легко искуситься и попробовать что-нибудь сладенькое, когда дома тебя ждет уставшая… — уголки его губ приподнимаются, прежде чем он выдает: — вчерашняя котлета.

***

Девочки, девочки, девочки!

На моем втором аккаунте *НОВИНКА***!**#

##НЕСЛУЧАЙНАЯ ИЗМЕНА ##

https://litnet.com/shrt/GPiM

Ира
ДЕЙЛ

Отпусти меня, Игорь! Хочешь развлекаться с другими бабами, твое дело! Но не надо меня втягивать в свои грязные игры, — произношу я максимально спокойно, стараясь ничем не выдать разрывающей душу боли, которая пронзает каждую клеточку моего телу.

— Какая же ты все-таки ханжа, — обреченно вздыхает муж. — Когда я брал тебя в жены, думал, что ты всему научишься. Но ты так и осталось той же зажатой малышкой.

— Почему тогда ты не развелся со мной? Раз я недостаточно хороша для тебя?

— А должен был? — Игорь выгибает бровь. — Я честный человек, если уж женился на тебе, то буду нести этот крест до конца. Жаль, конечно, что ты оказалась плохо обучаема. Хотя… — он разворачивается к любовнице и протягивает ей руку. — Карин, покажем моей жене мастер-класс?

##КНИГА ЖИВЕТ ТУТ ##
https://litnet.com/shrt/Q8nF

Глава 6

— Папа! — резко вскрикивает дочка, и столько неприкрытой боли звучит в ее голосе, что ее не передать словами.

У меня аж сердце сжимается.

Да и я сама давно… а может быть никогда… не чувствовала себя настолько разбитой, несчастной, или даже лучше сказать — уничтоженной. У меня словно почву из-под ног выбили, и я парю в невесомости, жутко боясь того, что грохнуть вниз и разобьюсь, к черту.

Зато этого хрыча ничем не прошибешь. Он как был всю нашу жизнь с эмоциональным интеллектом размером со спичку, таким и остается.

— Я вообще-то твой папа уже больше тридцати лет, — заявляет дочери Игорь, даже не меняясь в лице. — И точно знаю все твои сильные стороны. Что уж говорить про слабые? А у тебя, дочка, их, уж прости, полно. Одна из твоих слабых сторон, и самая главная, на мой взгляд, приносящая в твою жизнь одни беды, — ты не умеешь угождать мужчинам. Мать тебя этому не научила, потому что, видимо, у самой такого навыка нет. А я, дурак, что раньше не нашел вам со Славой другую маму, чтобы та показала вам правильный пример. Но дочка, поверь моему немалому жизненному опыту, ни один нормальный мужик не будет терпеть к себе потребительского отношения.

— Папа! — выкрикивает Аня, явно, пытаясь воззвать к здравому рассудку Игоря. Но кажется последнего у мужа совсем не осталось.

— Не папкой мне тут! — отрубает Игорь. — И не надо губки тут дуть. Кто тебе правду скажет, кроме меня? Твоя вина в том, что у вас с Артуром не сложилась, тоже есть. И немалая ее доля. Но ты еще молоденькая, еще сможешь найти себе достойного мужа, с которым всю жизнь проживешь, если, конечно, пересмотришь свое отношение к мужчинам. И да, от ненависти к ним тебе тоже нужно избавиться.

Дочка смотрит на отца полными невыносимой обиды и боли глазами, а потом говорит то, что вполне логично, но в то же время невообразимо жестоко:

— Похоже, у меня больше нет отца. А у моих детей — дедушки. Я не позволю тебе приблизиться к моим детям и отравить их разум так, как ты сейчас попытался отравить его мне.

Аня бросает полный разочарования взгляд на, явно, недовольного Игоря, а потом переводит его на меня. В глазах дочери плещется такая бездна отчаяния, что мне хочется броситься к ней, обнять, защитить. Но я будто приросла к полу.

— Надеюсь, у тебя хоть капля того достоинства, которым ты и меня наделила, осталась, — говорит она тихо, но твердо, — и ты бросишь этого гада, а не проживешь остаток жизни с человеком, который тебя совершенно не ценит.

После чего дочка резко разворачивается и покидает кух-

ню. Через мгновение я слышу хлопок входной двери. В квартире ее больше нет. Не знаю, здесь ли сын, но что-то мне подсказывает: он тоже ушел. Ему со своей женой разобраться надо. Боже, пусть хотя бы Слава Карине не изменяет. Иначе это будет полный провал в моем воспитании. Ведь муж в воспитании детей практически не участвовал.

— Если ты думаешь о разводе, то забудь, — цинично заявляет Игорь, резко вырывая меня из мыслей, из-за чего я вздрагиваю. — Я слишком долго терпел тебя… слишком долго сохранял подобие идеальной семьи, чтобы сейчас взять и все разрушить только по тому, что тебе что-то в голову стрельнуло.

Глава 7

— Да и вообще генералы не разводятся. Они просто заводят любовниц, когда жена перестает им быть интересна, — ухмыляется муж, при этом выглядит максимально довольным собой.

Зажмуриваюсь, стискиваю губы, сжимаю кулаки. Делаю все, лишь бы сохранить остатки самообладания, которые быстро меня покидают под воздействием грязи, которую выливает на меня муж. Такого цинизма, тем более, направленного в мою сторону, от Игоря я никогда не слышала.

Мне требуется несколько очень долгих секунд на то, чтобы хоть немного взять себя в руки, прежде чем я открываю глаза и спрашиваю:

— То есть, ты предпочел иметь связь на стороне вместо того, чтобы сохранить свою честь? — голос дрожит от едва сдерживаемых слез.

— Моя честь вообще-то на месте! — рявкает Игорь, сверкая глазами. — Только попробуй предъявить мне, что я — плохой муж. Это не так. Я же ни в чем тебя не обделял, ни в чем не отказывал. Ни ты, ни мои дети ни в чем никогда не нуждались. А вот ты свою женскую честь не сохранила...

— Ты с ума сошел? — выдыхаю я, не веря своим ушам. — Я тебе не изменяла.

— Еще бы ты мне изменяла, — хмыкает Игорь, и в его

усмешке столько презрения, что меня буквально обжигает.
— Нет, как я уже говорил, ты не проявила себя как полноценная женщина. Если хочешь кого-то винить в произошедшем, то вини себя. Это ты не смогла обуздать мой темперамент, из-за чего мне пришлось искать развлечение на стороне. Может, ты и вправду не достойна носить почетное звание жены генерала?

Именно в этот момент меня окончательно накрывает. С головой. Я больше не могу сдерживаться.

— Почетное звание? — переспрашиваю хрипло, надрывно, кажется, будто голос прокурен насквозь, хотя я в жизни сигареты в рот не брала. — Какое это к черту почетное звание?

Делаю шаг к мужа. Потом еще один. Подхожу вплотную и смотрю снизу вверх на его самодовольное лицо, которое вдруг становится расплывчатым — это слезы застилают глаза. Но я не позволяю им пролиться. Не перед ним.

— Ты хоть знаешь, что значит быть женой военного? — каждое мое слово пульсирует раскаленной лавой. — Это значит тридцать лет гадать, вернешься ты живым из очередной командировки или нет. Это значит рожать детей практически одной, потому что у мужа служба. Это значит тащить на себе дом, быт, воспитание, пока ты на учениях или черт знает где. Это значит привыкнуть спать одной в холодной постели и просыпаться от каждого шороха в надежде, что ты приехал. Это значит молчать, когда язык чешется спросить,

куда ты едешь и когда вернешься, и улыбаться на людях, даже если внутри все разрывается от страха. Это значит годами копить в себе обиды, потому что мужчину с твоей работой нельзя грузить бытовыми проблемами, у него и так нагрузка. Это значит ставить твою карьеру выше своей жизни, выше своих желаний, выше всего! А ты говоришь мне про почетное звание? Я тридцать лет положила на алтарь твоей карьеры, Игорь. Тридцать лет! Я отказалась от себя, от своих амбиций, от всего, чтобы у тебя был тыл, чтобы ты мог спокойно строить свою хваленую карьеру и получать звезды на погоны. И в благодарность я слышу, что не умела за тобой ухаживать? Что я серая мышь? Что это я виновата в твоих изменах? — голос срывается, но я не останавливаюсь. Уже не могу остановиться. Все, что копилось десятилетиями, рвется наружу, сметая преграды. — Я всю жизнь боялась тебя потерять, каждую твою командировку молилась, чтобы ты вернулся. А ты, оказывается, не на службе рисковал, а по бабам бегал!

— Не по ком я не бегал! — огрызается муж, но я его не слышу.

Мне нужно выговориться… нужно!... что я и делаю:

— И после всего, что я пережила, будучи замужем за тобой, ты смеешь мне говорить про женскую состоятельность? Да ты просто жалкий трус, который не способен ценить то, что имеет! Легче было найти молодую дуру, которая будет тебе в рот заглядывать и темперамент твой несуществующий

удовлетворять, чем посмотреть на женщину, которая рядом с тобой столько лет? На женщину, которая тебя, между прочим, до сих пор любит? Идиотка! — последние слова я почти выкрикиваю и чувствую, как по щекам все-таки текут слезы. Размазываю их ладонью, но они льются снова. — Ничего это скоро пройдет… пройдет…

Игорь молчит. Смотрит на меня с каким-то странным выражением — то ли удивленным, то ли раздраженным. А потом пожимает плечами и произносит ледяным тоном:

— Ты сама выбрала для себя такую судьбу. Тебя под пистолетом никто не заставлял становиться моей женой. И вообще... Я, может, пойду не к черту, а к Свете. А ты останешься старой, никому не нужной бабкой. Прости, моя дорогая, может, я открою тебе глаза на правду, но ни одному нормальному мужику баба за пятьдесят ни разу не сдалась. Если ты, конечно, себе какого-нибудь молоденького мальчика на коротком поводке не заведешь. Но и с этим проблема — за таким мужиком еще лучше надо ухаживать, а у тебя на это денег нет.

Ишор смотрит на меня с победной усмешкой и уже разворачивается, чтобы уйти. А я стою, оглушенная его жестокостью, и чувствую, как внутри меня что-то обрывается окончательно. Больше не больно. Больше не страшно. В груди появляется только пустота и ледяная ясность.

Я смотрю мужу в спину и говорю тихо, но так, чтобы он услышал… каждое слово:

— Так что да, пошел ты к черту со своим почетным званием.

Глава 8

Два года спустя

— Вера Николаевна! Вера Николаевна! — крик доносится до меня со спины, и я невольно торможу, хотя до этого шла быстрым шагом, пытаясь успеть сделать обход врачей, пока они не отправились на приемы или в операционные. Кто именно решил меня прервать, быстро догадываюсь — судя по голосу, а уже в следующий момент убеждаюсь в своем предположении, когда меня догоняет Алина, одна из медсестер в нашей больнице, которая специализируется на трансплантологии.

Алина — худощавая медсестра, с русыми волосами, стянутыми в тугой пучок на затылке, из которого выбиваются непослушные прядки. Щеки ее пылают алым румянцем от быстрого бега, на лбу выступила легкая испарина. Голубовато-зеленая медицинская форма сидит на девушке мешковато, явно не по размеру, и пока она бежала, воротник сбился набок, открывая вид на тоненькую серебряную цепочку с кулончиком. Алина так сильно сжимает планшет с документами, что костяшки пальцев побелели. Она часто и прерывисто дышит, пытаясь отдышаться, и смотрит на меня глазами размером с чайное блюдце.

В коридоре царит привычная суета: медсестры снуют туда-сюда с капельницами и лотками, пациенты в больничных

пижамах медленно бредут по своим палатам, кто-то сидит на скамейке у окна и листает журнал, кто-то общается друг с другом. Шаркают тапки, позвякивают инструменты, где-то вдалеке гудит лифт. Приходится отойти к стене, чтобы не мешать проходящим, и освободить место для запыхавшейся девушки.

Я сама одета в черный деловой костюм — строгий пиджак и брюки со стрелками, — а из-под верхнего слоя выглядывает белоснежная блузка с аккуратным воротничком. Серебристые волосы убраны в низкий пучок, на ногах удобные туфли на невысоком каблуке. За два года работы координатором я выработала для себя этот стиль — официальный, сдержанный, чтобы сразу задавать тон в общении и с пациентами, и с персоналом. Черный цвет дисциплинирует, заставляет держать спину прямо, не позволяет раскисать.

Смотрю на Алину, которая все еще хватает ртом воздух, и, пытаясь немного разрядить обстановку, спрашиваю с легкой усмешкой:

— Неужели где-то пожар? Ты почему так бежала за мной? Если бы пожар, тебе надо звонить спасателям, а не мне. Или ты номер забыла?

Улыбаюсь, но Алина даже не реагирует на шутку. Она только мотает головой и продолжает тяжело дышать. Улыбка медленно сползает с моего лица.

— Что случилось? — спрашиваю уже серьезно, напрягаясь внутренне.

— Там... — выдыхает Алина и сглатывает. — Там...

— Что там?

— Один мужчина... очень хочет вас видеть, — выпаливает она на одном дыхании.

У меня брови ползут вверх. Вот уж действительно, нашла из-за чего панику поднимать.

— Я думала, произошло что-то из ряда вон выходящее, — говорю с легким раздражением. — А тут просто кто-то меня видеть захотел. Из-за этого нужно было гнаться за мной по коридору и отвлекать от дел?

Вздыхаю и уже собираюсь добавить, что у меня есть приемные часы, но Алина перебивает, теребя край планшета:

— Я ему так и сказала! — голос у нее срывается. — Сказала, что есть приемные часы, что сейчас не время. Но он отказывается уходить! Говорит, что если не встретится с вами, то пойдет искать вас лично! А я не знаю, что делать! Он такой громкий, люди оборачиваются...

— Ну вызови охрану, — пожимаю плечами. — В чем проблема?

Алина краснеет еще сильнее, если это вообще возможно, и начинает мять край планшета с такой силой, что пластик жалобно скрипит.

— Не могу я охрану вызвать! У нас сегодня проверка! Если я вызову охрану, а это окажется ложный вызов или что-то не так пойдет, все очень плохо закончится. Может, вы просто с ним поговорите? Пожа-а-алуйста?

Девушка смотрит на меня умоляюще, и я чувствую, как внутри закипает раздражение, смешанное с усталостью.

— А кто он вообще? Пациент? Родственник пациента?

Задумываюсь на секунду. Я работаю координатором в больнице уже два года, и в мои обязанности входит составление расписания операций, а также согласования его с заведующим и другими врачами. И те, кто не успевает попасть в лист ожидания, или те, кому никак не могут подобрать донора, частенько приходят скандалить обычно с врачами, но бывает и до меня добираются. Это часть моей работы разбираться с ними. Кто-то плачет, кто-то умоляет, кто-то пытается всучить деньги — мне предлагали такие суммы, от которых у нормального человека голова бы закружилась. Но я никогда не поддаюсь на провокации.

После развода я вернулась в профессию и потерять с трудом заработанную репутацию честного медицинского координатора, от которого зависит распределение операций в нашей клинике, не собираюсь. Поэтому меня и ценят на работе — понимают, что я неподкупна. Наша клиника старается помогать именно нуждающимся, а не тем, у кого полные карманы денег. Мы следим, чтобы квоты на бесплатную медицинскую помощь не занимали те, кто может заплатить. Это очень важно в наше время.

— Я не знаю, — Алина часто моргает, и я замечаю, что глаза у нее действительно на мокром месте. — Не видела его раньше. Он мне не знаком. Но не могли бы вы разобраться с

ними сами? Нам же лишние проблемы не нужны, вы понимаете...

Ой, как я все понимаю, поэтому киваю и говорю:

— Хорошо, я разберусь. Дай только сейчас еще к двум врачам забегу, а потом...

— Вера Николаевна! — перебивает Алина, и ее голос звенит от отчаяния. — Можно сейчас? Пожалуйста! Он там вот-вот такой скандал закатит. Так давил на меня, так давил… Еще чуть-чуть и сорвался бы на меня. У меня после "разговора" с ним до сих пор слезы на глаза наворачиваются.

Черт, не могу отказать. Вроде бы Алина медсестра, достаточно стрессоустойчивая. Ее мог напугать только что-то серьезный. Что-то внутри меня напрягается, появляется неприятное предчувствие. Но оставить девушку одну, в таком состоянии, я не могу.

Тяжело вздыхаю и произношу:

— Ладно, пошли. Проводишь меня к этому "мужчине".

Бросаю взгляд на часы — время поджимает. Понимаю, что придется после обеда наведываться к врачами, в том числе и к Алексею Михайловичу, моему гражданскому мужу, — одному из светил, если можно так сказать, города. К нему едут не только со всех уголков нашей страны, но и из других государств. Только он может провести сложнейшие пересадки, и очереди к нему расписаны на месяцы вперед. Поэтому неудивительно, что кто-то может скандалить, если не попадает в список. Скорее всего, этот с позволения сказать

“мужчина” хочет у него на столе оказаться.

Мы идем по коридору в сторону отделения, где расположен мой кабинет. Алина семенит рядом, едва поспевая за моим шагом. Она заметно нервничает, то и дело поправляет форму и оглядывается, словно боится, что объект нашего разговора внезапно выпрыгнет из-за угла.

— Сильно кричал? — спрашиваю на ходу, чтобы хоть както подготовиться.

— Нет, — выдыхает Алина. — Но… от одного его вида становилось страшно, даже несмотря на то, что он говорил спокойно… слишком спокойно, что ему срочно нужно поговорить с вами, что вы обязаны его принять...

— Даже так? — невесело усмехаюсь я, внутри растет напряжение.

Мы доходим до конца коридора. Мой кабинет уже видно — дверь закрыта, табличка с фамилией поблескивает под светом ламп. Алина вдруг резко тормозит, хватает меня за рукав и указывает рукой на человека, стоящего в самом конце коридора и глядящего в окно.

— Вон он, — шепчет она и делает шаг назад, прячась за мою спину.

Я перевожу взгляд туда, куда она показывает, и в следующую секунду мое сердце пропускает удар. Руки сами собой сжимаются в кулаки, дыхание перехватывает. Мир на мгновение сужается до одной точки — до спины мужчины, разговаривающего с кем-то по телефону.

Широкие плечи, седые, идеально уложенные волосы, выточенный, словно из камня, профиль. Серый костюм, безупречная осанка.

Игорь.

Мой бывший муж.

***

Девочки, девочки, девочки!

А у меня еще одна *НОВИНКА, которая выходит в рамках моба "Измена — не порок?"*

##ПРЕДАТЕЛЬ. ТЫ МЕНЯ (НЕ) ЗАМЕНИШЬ ## https://litnet.com/shrt/2WAk

— Я тебя больше не хочу, — муж пожимает плечами.

— А свою бывшую, значит, хочешь? — кошусь на телефон, лежащий рядом со мной на подоконнике. Словно наяву "вижу" видео с камер видеонаблюдения лифта одного из известных отелей нашего города, присланное лучшей подругой.

От воспоминания о том, как Слава страстно впивался в губы знакомой нам обоим блондинки, меня начинает мутить.

— Ну что сказать. Она изменилась, стала шикарной. Как будто другой человек. Возраст ей к лицу.

— А мне, значит, не к лицу? — хмыкаю, впиваясь ногтями в ладони.

— Тебе? — тяжело вздыхает муж. — Ты стала… слишком обычной. Приелась, что ли. А мне хочется чего-то нового,

даже если это хорошо забытое старое.

##ЗАГЛЯДЫВАЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ## https://litnet.com/shrt/XGYQ

Глава 9

Сказать, что я удивилась — это ничего не сказать.

Я буквально прирастаю к месту и чувствую, как каждая клеточка моего тела постепенно холодеет. Смотрю на Игоря, точнее на его спину, на едва заметный профиль, и не могу поверить, что у меня нет галлюцинаций, что это действительно он, что передо мной действительно мой бывший муж.

Невольно вспоминаю наш развод.

Он был тяжелым, но не потому, что муж ставил палки в колеса, а потому, что его холодность и жестокость добивали меня с каждым разом все сильнее. Я подала на развод сама — через две недели после того дня рождения, когда он вышвырнул мне в лицо все, что думает о тридцати годах, проведенных вместе. Игорь не спорил. Он просто пожал плечами и сказал: "Как хочешь". Будто я предлагала ему поменять марку кофе, а не разрывать брак. Будто тридцать лет — это пустяк, который можно стереть одной фразой.

Но самое страшное началось потом. Журналисты подхватили историю.

"Измена генерала"...

"Скандал в элитной семье"...

"Жена генерала против молодой любовницы"...

Заголовки множились как грибы после дождя. Желтые издания рылись в нашем грязном белье с таким рвением, буд-

то от этого зависела их жизнь. Кто-то сливал фотографии, кто-то "из близкого окружения" давал комментарии. И почему-то в этой истории меня выставляли не в лучшем свете. Будто это я была недостойна носить звание жены генерала. Будто Игорь все эти годы один содержал нашу семью, а я только и делала, что тратила его деньги. Будто я была обычной содержанкой, которая ничего не делала, кроме как сидела у мужа на шее.

Всю эту грязь лили на меня, не разбираясь.

Да, я действительно, много лет я не работала. Но не потому, что мечтала быть содержанкой, а потому, что муж сам этого хотел. "Моя жена не будет работать", — заявил он еще когда родился Слава. И я подчинилась. Я была матерью двоих детей вечно отсутствующего отца, держала дом, занималась бытом, готовила, стирала, воспитывала, ждала из командировок, молилась, чтобы вернулся живым. Почему-то на страницах желтых изданий об этом ничего не было сказано. Там мелькала лишь информация о том, что я "неблагодарная женщина, не сумевшая сохранить семью", "серая мышь, которую генерал променял на яркую журналистку" и т.д.

После развода моя жизнь превратилась в сущий ад. Меня даже толком на работу никто не хотел брать. Тридцать лет в декрете и на домашнем хозяйстве — это не опыт работы, это приговор. Работодатели смотрели на мой возраст, на пустую трудовую книжку и вежливо отказывали. Если бы

не моя давняя подруга, которая работала медсестрой в этой частной клинике, возможно, я осталась бы у разбитого корыта, как грезил муж. Но Нина тогда сказала: “Вер, ты же медицинское образование получила еще в молодости, помнишь? Мы же вместе учились. Давай я попробую поговорить с главврачом”.

Я помнила. Когда-то, очень давно, до рождения детей, я закончила медицинский. И почти никогда им не пользовалась. Но Нина настояла. Главврач, пожилой умный мужчина, согласился взять меня на испытательный срок. И я вцепилась в эту возможность зубами. Работала с утра до ночи, училась заново, доказывала, что чего-то стою. Мне не только удалось показать, что все слухи, крутившиеся вокруг меня, — просто слухи, но и заработать себе репутацию. За два года я доросла до координатора, и теперь от меня зависят жизни множества людей.

А еще за эти два года в моей жизни появился мужчина.

Алексей. Тот самый знаменитый на весь мир трансплантолог. Мы познакомились на работе — я составляла расписание операций, подбирала ему пациентов, согласовывала списки. Он всегда был вежлив, но немногословен. Высокий, с цепкими глазами и руками, которые умели делать невозможное. Мы долго не замечали друг друга — только рабочие вопросы, только профессиональное общение. А потом он пригласил меня на ужин. Я удивилась, даже растерялась. Сказала, что не стоит, что мы коллеги. А он усмехнулся и

ответил: “Вера Николаевна, нам уже за пятьдесят. Я предлагаю вам не кокетничать, а просто поужинать. Если вам неинтересно, я пойму, но хотя бы честно откажите”.

Я не отказала. И не пожалела.

С Алексеем все было иначе. Не так, как с Игорем. Он не командовал, не приказывал, не ставил условий. Он просто был рядом. Спрашивал, как прошел день. Помогал, когда я задерживалась с отчетами. Водил в рестораны, где играла тихая музыка, и мы могли разговаривать часами. Однажды он сказал: “Вер, я понимаю, что ты прошла через тяжелый развод. И буду торопить. Но хочу, чтобы ты знала: ты — удивительная женщина, и я рад, что ты есть в моей жизни”.

Через полгода мы съехались, а еще где-то через месяц он сделал мне предложение. Не на колене, без колец и цветов — просто за ужином, глядя мне прямо в глаза. “Я хочу, чтобы мы были вместе. Официально. Я не настаиваю, но мне важно, чтобы ты знала: я готов к этому”.

Я тогда долго молчала, крутила в руках бокал и смотрела в окно. А потом ответила: “Леша, я не хочу замуж. Я уже однажды была женой, и все закончилось плачевно. Я не вижу в этом смысла. Нам и так хорошо. Зачем штамп?”

Он не спорил. Только кивнул и сказал: “Как скажешь. Но мое предложение остается в силе”.

Леша не давил, не требовал. Мы просто продолжали жить вместе. Я знала, что он ждет. Но внутри меня что-то сжималось при одной мысли о том, чтобы снова надеть белое пла-

тье, снова давать клятвы, снова кому-то принадлежать. Нет. Не сейчас. Может, никогда. Не знаю.

Сейчас же, глядя на Игоря, который собственной персоной стоит в коридоре моей больницы, могу думать только о том, что прошлое меня не отпускает. Оно приходит в самый неподходящий момент и нагло заявляет о себе.

Бывший муж с кем-то ругается по телефону, негромко, но четко:

— Нет, я сказал, что скоро буду. Да, у меня важная встреча. Разберусь и приеду. Я тут, — он делает паузу, и в голосе проскальзывают знакомые командные нотки… — В общем, буду где-то через час.

Голос Игоря выводит меня из легкого ступора, и меня охватывает паника. Хочется просто развернуться и уйти, сбежать — как бы парадоксально это ни звучало и какой бы глупой я ни показалась. Ноги сами делают шаг назад. Но стоит мне только сдвинуться с места, Игорь словно что-то чувствует. В следующую секунду он поворачивает голову, видит меня и одним взглядом пригвождает к полу. Не сомневаюсь, Игорь точно понял мои намерения по одному лишь движению. Он всегда легко меня считывал.

Именно поэтому на его губах растягивается коварная усмешка. Он окидывает меня медленным, скользящим, вызывающим мурашки взглядом и тоном, от которого внутри все внутри ухает вниз, произносит:

— Давно не виделись. Хорошо выглядишь.

Его комплимент звучит так, словно он знает обо мне больше, чем я сама. Как и раньше. Как всегда.

Но благо два года работы с разными сложными людьми научили меня самоконтролю. Я быстро беру себя в руки. Не спрашиваю “Что ты здесь делаешь?”, не показываю, что его появление меня задело. Только смотрю на бывшего мужа, выдерживая паузу.

Игорь переводит взгляд на медсестру, которая до сих пор прячется за моей спиной, и говорит:

— Может, наедине поговорим?

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что Алина, забыв о своем страхе, уже развесила уши. Лишние сплетни, которые обязательно поползут по больнице, если медсестра услышит что-то лишнее, мне даром не сдались. Поэтому я стискиваю зубы и говорю:

— У тебя пять минут. Мне нужно работать.

Быстро подхожу к двери своего кабинета, открываю ее ключом и захожу внутрь. Оказываться с бывшим мужем в замкнутом помещении мне не сильно хочется. Но больше всего после развода я ненавижу, когда меня обмусоливают с ног до головы. Поэтому, скрипя сердцем, я все-таки прохожу за свое рабочее место. Мне нужна хоть какая-то преграда — хотя бы в виде стола, — между мной и бывшем мужем.

Сажусь с прямой спиной, расправленными плечами и вижу, как Игорь закрывает за собой дверь. Быстрым, сканирующим взглядом военного он оглядывает мой просторный ка-

бинет с большим окном, диванчиком для гостей, журнальным столиком, шкафом для бумаг и верхней одеждой, большим количеством растений, с которыми я полюбила возиться, когда пыталась справиться со стрессом, свалившемся на меня после развода, и, конечно, моим рабочим столом. Отмечаю про себя, что спустя два года Игорь почти не изменился. Все такой же холеный, подтянутый, с отточенными каменными чертами лица. Только седины в волосах прибавилось, да морщины вокруг глаз стали глубже. Неужели все-таки новая пассия ему всю душу вытрясла? Или же возраст просто берет свое?

— Поздороваться не хочешь? — Игорь приподнимает бровь.

— Я тебе здоровья не желаю, чтобы с тобой здороваться, — огрызаюсь и сама этому удивляюсь.

На губах у бывшего мужа растягивается ухмылка;

— Да ладно? — прищуривается. — Неужели ты до сих пор держишь на меня обиду?

Обида — это слишком мягкое слово, чтобы описать всю гамму эмоций, которую я испытываю к бывшему мужу. Но ему об этом не говорю. Только смотрю на часы, висящие на стене напротив, и сухо произношу:

— У тебя осталось четыре минуты. Может, уже перейдем к делу?

Бывший муж подходит к столу, садится на стул для посетителей и с легкой усмешкой выдает:

— К делу так к делу.

Он крутит часы на запястье — дорогие, швейцарские. Я помню их, покупала ему на двадцатипятилетие совместной жизни. Вот же гад, он все еще их носит. И явно специально надел их, чтобы явиться ко мне. Напряжение, которое витало в воздухе, только усиливается и начинает потрескивать.

Игорь какое-то время молчит, просто смотрит мне прямо в глаза, явно, хочет, чтобы я понервничала, прежде чем заявить:

— Ты должна спасти Светлану.

Глава 10

У меня едва не отваливается челюсть. Смотрю на бывшего мужа широко распахнутыми глазами. Что творится у меня внутри — не передать словами. Жгучая смесь из эмоций, начиная с шока и заканчивая форменным бешенством, вихрем закручивается у меня в груди.

Как Игорь смеет являться ко мне и что-то требовать? Не говоря уже о том, что требует он для своей дорогой Светланы.

Меня не интересовало, как у моего бывшего мужа дела на личном фронте. Не интересовало, как он поживает. И даже если бы Игорь отошел в мир иной, я бы осталась все такой же не заинтересованной. Вот только даже несмотря на всю мою отстраненность от ситуации в целом, до меня все равно долетали слухи. Общие знакомые, которые с одной стороны "жалели" меня, а с другой — прямо наслаждались моей болью, если мы с ними пересекались, то и дело старались рассказать, где видели "моего" генерала и как он счастлив без меня.

Про Светлану, с которой я пересекалась, слава богу, всего пару раз в жизни, тоже не забывали упомянуть.

…Такая она красивая, какая эффектная, какая худая, а умная-то какая. Ну конечно, журналистка и писательница — все-таки нужно быть максимально эрудированной…

И это лишь малая часть из того, что мне про нее рассказывали. Тот факт, что я ничего не хотела слушать, никого не волновал. Люди — как пиявки: если присосутся, на уши присядут, от них просто так не отделаешься.

Последний раз я такого "доброжелателя" не выдержала и послала куда подальше. Так мне в ответ прилетело:

—Теперь я понимаю, почему он тебя бросил. Ты последняя хабалка и недостойна быть женой генерала.

Я, естественно, ответила:

— Ну я и не стремлюсь быть женой генерала, если ты не заметила. Собственноручно подала на развод, хотя мой, как ты выразилась, генерал, ой как не желал расставаться. Его в нашей жизни все устраивала, в том числе и Светлана в роли любовницы, поэтому он и встречался с ней тайно. А сейчас зачем скрываться, раз жена его бросила?

После этого перформанса ко мне больше никто не подходил со своими расспросами. И даже на страницах желтых изданий скандал начал затухать. Новости я специально не смотрела, чтобы случайно в них не наткнуться на каменное лицо Игоря.

Я смогла наладить свою жизнь без тучи в виде бывшего мужа, которая нависала надо мной и не давала свету пробиться через непроглядную тьму, в которую превратилось мое существование. И все было бы хорошо, если бы гром не грянул снова.

Естественно, единственное, что слетает с моих губ — это:

— Нет.

То, как хмурится Игорь, не сулит ничего хорошего. Его брови практически вплотную сдвигаются на переносице, а губы поджимаются, становясь двумя тонкими линиями.

— Что значит “нет”? — грохочет он, подаваясь корпусом вперед. — Ты даже не собираешься выслушать мою просьбу?

Истерический смешок слетает с моих губ.

— Во-первых, ты ни о чем не просил, ты требовал, — не узнаю собственный голос — настолько он чужой, надломленный, какой-то скрежещущий. — А во-вторых, даже если бы ты о чем-то попросил нормальным тоном, ответ все равно был бы “нет”.

— И почему же? — Игорь разваливается стуле, а на его лице появляется жесткое выражение, которое говорит мне о том, что просто так бывший муж с меня не слезет.

Тяжело вздыхаю и все-таки отвечаю:

— Потому что я тебе больше ничего не должна. Особенно, после того как вы со своей Светланой меня с грязью смешали. Так что будь добр, покинь мой кабинет и больше никогда… слышишь?... никогда ко мне не приближайся. Я тебя больше видеть не желаю, — выплевываю каждое слово, сжимая ручку, которую не поняла, в какой именно момент схватила со стола. Она хрустит и чуть ли не ломается под давлением моих пальцев.

Игорь, конечно, же мою “просьбу” исполнять не собирается — даже не сдвигается с места. Он словно прирос к сту-

лу. Смотрит на меня с определенным любопытством, будто я какая-то диковинка. А потом выдает:

— И не стыдно тебе? — Я аж задыхаюсь сейчас от возмущения, но сказать ничего не успеваю, потому что бывший продолжает: — Светлана смертельно больна, — его голос становится вкрадчивым, с металлическими нотками, которые я помню так хорошо — именно так он разговаривал с подчиненными, когда хотел их приструнить. — Ей требуется медицинская помощь. А ты, насколько я помню, в медицинском вузе училась. Там даже какую-то клятву давала, что будешь спасать жизни людей, несмотря ни на что. А сейчас из-за каких-то своих никому не нужных обидок отказываешь человеку в помощи, которая ему жизненно необходима, — Игорь делает паузу, давая возможность обвинениям, брошенным мне в лицо, проникнуть в мою голову и конкретно там обосноваться. Вот только "магия" его давления на мою совесть и чувство долга тут же испаряется, когда бывший добавляет: — Я, конечно, знал, что после того, как мы с тобой разведемся, ты изменишься. Но не ожидал, что превратишься в озлобленную жизнью, никому не нужную мегеру.

***

Девочки, приглашаю вас *в свою новинку*

##ИЗМЕНА. НА ПУТИ К СЧАСТЬЮ https://litnet.com/shrt/AzWI

Ты мерзавец, — заявляю, глядя в глаза человеку, которого любила последние пятнадцать лет.

— А чего ты ждала? — муж складывает руки на груди.

— Что я буду ждать, пока ты наиграешься в “карьеру”?

— Когда ты делал мне предложение, знал, какая я! — выкрикиваю, не выдерживая.

— Знал и думал, что это круто, когда жена занята своими делами. Но даже представить себе не мог, что ты забудешь о своей главной обязанности — обхаживать меня! Поэтому не обессудь — я нашел себе другую.

ЗАГЛЯДЫВАЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО https://litnet.com/shrt/sCBd

Глава 11

Я не должна слушать бывшего мужа. Не должна никаким образом идти у него на поводу, не должна позволять его словам, его голосу, его жестокости задевать меня. Вот только для моего покрывшегося шрамами сердца после нашего расставания каждое появление Игоря — как нож по старой ране. Контролировать то, что происходит у меня внутри, никак не получается.

Каждая клеточка моего тела напрягается, каждый нерв словно оголяется. Такое чувство, что все внутри меня превращается в одну огромную, кровоточащую рану, примерно такую же, которая появилась у меня в груди несколько лет назад, когда я стояла на кухне, а Игорь смотрел на меня холодными глазами и говорил, что я ему приелась.

Я многое могу понять… правда, многое. Но как у этого человека, который разрушил мою жизнь, хватает наглости сидеть передо мной и что-то мне предъявлять, что-то от меня требовать, что-то доказывать мне, не представляю. Да еще ко всему прочему у Игоря хватает наглости оскорблять меня! Это уже конкретный такой перебор.

С менях хватит! Я не позволю бывшему мужу испортить мою жизнь еще раз.

Резко встаю со своего места, толкаю стул назад так, что он с глухим стуком ударяется о стену, и указываю Игорь на

дверь. Палец не дрожит. Я заставляю себя держать руку твердо, хотя внутри все трясется.

— Вон, — произношу жестко.

Игорь удивляется. Еще как удивляется. Его брови взлетают, глаза на секунду расширяются — видимо, не ожидал настолько "теплого" приема. Он привык, что я молчала, терпела, сглаживала углы. Привык, что можно было говорить мне любые гадости, а я только вздыхала и шла готовить ужин. Но сейчас бывший муж смотрит на меня так, словно перед ним какая-то мерзость, а не человек, к которому он пришел за помощью.

— Я никуда не уйду, — заявляет Игорь, откидываясь на спинку стула и широко расставляя ноги. В его позе столько наглого превосходства, что меня захлестывает волной ярости.

Еще немного, и я превращусь в ту самую мегеру, о которой он говорил. Истерика накатывает волной, а хваленое самообладание покидает меня окончательно. Плевать. Пусть видит, что вывел меня из себя. Пусть знает, что я больше не буду молчать.

— Я сказала: вон! — выплевываю я, стискивая зубы так, что сводит челюсть.

— Нет, — отчеканивает Игорь, даже не шелохнувшись.

— Я вызову охрану.

— Ну попробуй, — бывший муж щурится, а в его голосе появляется вызов, приправленным знакомыми командными

нотками. — Ты не забыла, что я все еще генерал? Просто так выставить меня у тебя не получится, как избавиться. Если надо, я до твоего главврача дойду. И тогда посмотрим, сохранишь ли ты работу, которую с таким трудом нашла.

С такой жестокостью, с таким циничным спокойствием я сталкиваюсь впервые. Игорь сидит передо мной, словно царь, которому все позволено. Но больше всего меня удивляет тот факт, что человек, которому я отдала тридцать лет жизни, угрожает мне работой. Моей работой, которую я выстраивала по крупицам, которую отвоевывала у собственной беспомощности и у сплетен, которые он же и породил. Игорь, похоже, прекрасно знает, как мне досталось это место. Знает, через что я прошла. И все равно давит на самое больное.

Мне бы сказать бывшему мужу, что меня не волнует, к кому он пойдет и чего добьется. Мне бы крикнуть, что я вызову полицию, и пусть они разбираются с ним и его генеральскими погонами. Вот только какой-то червячок все-таки поселяется внутри меня и не дает обратиться к радикальным мерам. Чувствую себя последней дурой, потому что действительно боюсь потерять работу. Действительно боюсь того, что бывший муж может повлиять на мою репутацию. Действительно боюсь того, что будет дальше. Годы, проведенные с Игорем, научили меня одному: он привык добиваться своего любой ценой. И если Игорь сказал, что дойдет до главврача, то сделает это.

Поэтому вместо того чтобы просто выгнать этого парази-

та, я заставляю себя сесть обратно на стул. Пальцы сами находят край столешницы и впиваются в него с такой силой, что едва не ломаются ногти. Делаю глубокий вдох, потом еще один. Успокаиваю дыхание. Выравниваю голос.

— Ну и что же тебе от меня надо? — спрашиваю ледяным тоном. — Я вообще-то не врач.

Игорь смотрит на меня с победной усмешкой. Он знает, что выиграл этот раунд. Мерзавец. Всегда знает.

— Мне нужно, чтобы твой новый мужик провел Свете операцию. У нее отказывают обе почки. Ей нужна трансплантация. Но есть осложнения, с которыми рядовой хирург не справится.

Я замираю. Вот чего я не ожидала — что мой бывший муж придет ко мне ради другой женщины, ради своей любовницы. Что он вообще заговорит о моей личной жизни, о моем… об Алексее.

Открываю рот, чтобы ответить, но голос не слушается. Вместо того, чтобы послать Игоря подальше, я слышу совершенно другой вопрос, который слетает с губ раньше, чем успеваю его обдумать:

— Ну и какие осложнения у твоей… — запинаюсь, подбирая слово, — женщины? — чуть сощуриваюсь. — Или может дело в том, что ей просто нужно самое лучшее? На меньшее она не согласится…

Хотя… скорее всего, дело вообще не в Светлане. Это Игорь привык получать лишь самое лучшее. Всегда. Везде.

Во всем. И сейчас явился к бывшей жене, чтобы та обеспечила его любовнице операцию у лучшего хирурга страны. И даже не сомневается, похоже, что я соглашусь. Потому что я всегда шла у него на поводу. Потому что для него я до сих пор — просто удобная женщина, которая уладит все проблемы.

Радует одно, что бывший муж не умеет читать мои мысли, потому что, похоже, я ошиблась и Светлане действительно нужна помощь невероятно квалифицированного хирурга, судя потому, что сообщает мне Игорь:

— Кроме всего прочего, — он тяжело вздыхает, трет подбородок, а потом выдает: — Света беременна.

***

Девочки, приглашаю вас в еще одну новинку, которая вышла в рамках нашего моба "Измена — не порок?"

ИЗМЕНА. ДА ВЫ ИЗДЕВАЕТЕСЬ?! https://litnet.com/shrt/Kmi2

Ива
НИКА

Сколько ей лет? Богдан, ты в своем уме?

— Двадцать один, если это так важно, — твердо произносит муж. — Я тебя спрашиваю, что ты здесь делаешь? Я же сказал, что буду занят.

— Ты мне изменяешь… почему? — всматриваюсь в его лицо.

— Тебя какой сейчас ответ устроит? Ты мне скажи, я повторю. Мне не сложно, — его слова звучат небрежно, презрительно. Распахиваю рот, но не нахожу, что на это ответить. — Нет вариантов? Тогда прекращай концерт.

— Ты смотрел мне в глаза и обманывал. Как ты мог? — мотаю головой, стараясь осознать этот факт.

— Я тебя не обманывал, — спокойно произносит он. — Просто жил свою лучшую жизнь.

*ЗАГЛЯДЫВАЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО*https://litnet.com/shrt/tDhi

Глава 12

Ощущаю себя так, словно мне только что дали пощечину.

И не потому что любовница бывшего мужа залетела от него — мы с Игорем разошлись как в море корабли уже несколько лет назад, и его личная жизнь меня больше не касается, — а, скорее, из-за того, что этот человек думает, что можно вот так просто взять и снова ворваться в мою жизнь, при этом даже не сомневаясь, что я сделаю ему… одолжение. Уверена, мой бывший считает, что я должна ему как земля колхозу. И если он прикажет “Прыгай”, я спрошу “Как высоко?”.

Не говоря уже о том, что Игорь пыт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.